

DOCTOR WHO

SHORT TRIPS: THE HISTORY OF CHRISTMAS

A SHORT-STORY ANTHOLOGY

EDITED BY
SIMON GUERRIER

ДОКТОР КТО

**Короткие путешествия
(ST-15)**

История Рождества

Антология рассказов
под редакцией Саймона Гериера.

**Short Trips (ST-15)
The History of Christmas**

A Short-story anthology
Edited by Simon Guerrier

Высеченное на камне

Чарльз Оштерлони и Джон Айлс
Перевод Игоря Бородкина

Приключение Первого Доктора, Йена Честертона и Барбары Райт

В путешествиях по пространству и времени с Барбарой Райт случалось многое. За ней гонялись мутанты, полные решимости её уничтожить, она выдавала себя за ацтекскую богиню, встречалась с Марко Поло и Наполеоном Бонапартом, уменьшалась до размеров муравья. Так или иначе, при помощи силы воли и дружеской поддержки она пережила каждое из тяжких испытаний.

Поэтому она справится и с текущим положением дел, решила Барбара, скрывающаяся вместе со спутниками среди мётел в тесном чулане Вестминстерского аббатства¹. Было Рождество, но в два часа ночи, в ограниченном пространстве с почти полным отсутствием света это не ощущалось.

Издалека до Барбары донёсся звук ключа, провернувшегося в замке.

— Священнослужитель наконец-то ушёл, — заявил Доктор.

¹ Вестминстерское аббатство (распространённое название Соборной церкви Святого Петра) — готическая церковь в Вестминстере (Лондон). Традиционное место коронации монархов Великобритании.

Через дверную щель в чулан проникал лунный свет и отражался от длинных седых волос старика. Чтобы рассмотреть его взгляд, было слишком темно, но Барбара могла вообразить, как с обычно мудрых черт лица сходит раздражение, уступая место безумной улыбке. Доктору было более тревожно, чем ей. Они, наконец, могли сделать то, зачем пришли.

— Вы уверены, Доктор? — спросил Йен. Его лица в слабом освещении также видно не было, но Барбара с лёгкостью представляла приятную внешность, обеспокоенную выдвинутым предложением старика. Даже сейчас, спустя столько времени, проведённого в путешествиях, Йен до сих пор подвергал сомнению решения Доктора.

— Конечно, уверен, Честертон. Это необходимость! Барбара, — обратился он более добродушно к спутнице, — пожалуйста, открой дверь. Думаю, теперь в аббатстве никого нет.

Барбара повернула ручку и вышла.

Оказавшись вне чулана, она вздохнула с облегчением. И ей было бы намного лучше, если бы не перспектива стать рядовым вором.

Йен Честертон пробыл в «Забитом ягнёнке» всего несколько минут, когда пришла Барбара. Он успел заказать выпивку — ему до сих пор было смешно, как же всё дёшево в Килмартине², Шотландии, в 1950 году! — и найти уголок, где можно усесться. Прожив в небольшой деревне всего несколько дней, они уже полюбили это место. Правда, здесь было тихо — не совсем то, к чему путешественники привыкли — но после всего, через что им довелось пройти, такая смена обстановки приносила радость.

² Килмартин — небольшая деревня на востоке Шотландии, знаменитая богатейшим сосредоточением доисторических монументов и исторических мест. В радиусе более девяти километров находится свыше 350 памятников.

Каким-то образом Доктор даже устроил их учителями в деревенской школе. Кажется, существовали вещи, избежать которые было нельзя.

Доктор высказал мнение, что всем необходимо отдохнуть, однако Йен с Барбарой решили, это сделано для того, чтобы было легче пережить утрату Сьюзен. В жизнь Доктора они оказались вовлечены благодаря лишь профессиональной заинтересованности в его внучке. Теперь же, в будущем был затерян их друг.

Йен окинул взглядом паб, осмотрел старомодные формы и открытые деревянные брусья под потолком, — так рано вечером местных жителей было немного, — и снова перевёл внимание на Барбару.

— Забавно, как легко нам удалось вернуться в прежнее русло, — начал он. — Барбара, я тут прикинул. Знаешь, из всего того, где мы побывали, к нашему времени и месту это ведь самое ближайшее. Ты не думала здесь остаться?

Женщина немного помолчала.

— Мне приходило это в голову. Но разве можно так поступить с Доктором? Ты видел, что с ним сделал уход Сьюзен. Он совершенно изменился.

— Хочешь сказать, я не думал об этом? — парировал Йен. — Но ведь вспомни: он нас похитил, увёз от дома и дорогих нам людей.

— Знаю. Мы все изменились с тех пор.

— Думаю, да, — согласился Йен. Он сказал бы что-нибудь ещё, однако дверь паба с грохотом распахнулась, и в комнату ворвался холодный зимний ветер. Затем, как обычно бормоча что-то под нос, вошёл Доктор. Он кивнул на приветствие Коннора, владельца паба, но оставил без внимания выпивку, которую налили ему к тому моменту, как он достиг бара. Вместо этого Доктор поспешил к Йену с Барбарой и устроился рядом. От волнения он едва переводил дыхание.

— С вами всё в порядке? — поинтересовалась женщина.

— Всё прекрасно, моя дорогая. Просто прекрасно!

— Тогда к чему такая спешка? — спросил Йен.

Доктор посмотрел мужчине прямо в глаза.

— Вам двоим не хотелось бы осмотреть достопримечательности?

Звук шагов эхом отражался от высокой сводчатой крыши аббатства. В последний раз Барбара посещала его во время экскурсии вместе с шумными четырнадцатилетними школьниками. Тогда, присматривая за ними, она была слишком занята, чтобы созерцать монастырь. Не удалось Барбаре осмотреться и во время полуночной мессы — Доктор предположил, что легче где-нибудь переждать, пока все уйдут, чем вламываться в закрытое помещение.

Теперь места для певчих и алтарь бездействовали, были тёмными и пустыми. В распоряжении незваных гостей оказался целый монастырь.

— Вы знаете, куда идти, Доктор? — спросил Йен.

— Конечно, знаю, Честертон, — раздражённо ответил старик и шагнул в темноту.

— Доктор? — позвала Барбара.

Тот остановился и, развернувшись, чуть ли не ослепил женщину фонариком.

— Да, моя дорогая?

— Вы идёте к покоям настоятеля. Часовня Эдуарда Исповедника³ там. — Она указала по другую сторону клироса.

Доктор слабо улыбнулся.

— Спасибо, Барбара. Я рад, что мы привели эксперта! — сказал он и зашагал в нужном направлении.

Проследовав за Доктором, Йен поравнялся с Барбарой.

³ Эдуард Исповедник (ок. 1003 — 5 января 1066) — предпоследний англосаксонский король Англии и последний представитель Уэссекской династии на английском престоле.

— Рад, что хоть кто-то знает, куда мы идём, — тихо произнёс он и улыбнулся. — Мои знания об этом месте основаны лишь на коронации, которую показывали по телевизору⁴.

Впереди подёргивался свет фонарика. Затем до спутников донёсся взволнованный голос:

— Быстрее сюда! Я его нашёл.

Когда они настигли Доктора, тот стоял на изысканно украшенном деревянном троне⁵. Свет выуживал из темноты позолоченные узоры с изображением листвы, разнообразных птиц и зверья.

Однако внимание Доктора было приковано к основанию трона — деревянному ящику, окружённому четырьмя позолоченными львами. Время частично стёрло стенки, оставив небольшие щели, через которые виднелся трофей.

— Доктор, мне только что пришла в голову мысль, — произнёс Йен.

— Да, Честертон?

— Я вспомнил про похищение, о котором писали в газетах. Разве мы не вмешиваемся в историю?

Доктор стиснул ладони пальто, выражение лица стало сосредоточенным. Он огляделся, всматриваясь в необычные тени аббатства, словно ожидал, что в любой момент к нему подпрыгнет полицейский. В итоге он ответил:

— Ты видишь кого-нибудь ещё, кто тоже пришёл его украсть?

⁴ Йен имеет в виду последнюю по счёту коронацию — коронацию нынешней королевы Великобритании, Елизаветы II, состоявшуюся в Вестминстерском аббатстве 2 июня 1953 года. Она стала первой коронацией британского монарха, транслировавшейся по телевидению.

⁵ Кресло короля Эдуарда (Коронационный трон) — трон, на котором британский монарх восседает во время коронации. Кресло названо в честь короля Эдуарда Исповедника.

— *Что* вы хотите, чтобы мы сделали, Доктор? — переспросил недоверчивый Йен.

— Думаю, ты меня прекрасно слышал и в первый раз, молодой человек, — ответил Доктор.

— Но Скунский камень, Доктор? — промолвила Барбара. — Разве он не исчезнет?

— Это не существенно. Крайне необходимо, чтобы я изъясл камень.

— Но почему, Доктор? — не унимался Йен.

Тот устало покачал головой.

— Даже если бы я объяснил, сомневаюсь, что ты бы понял.

— Вы попробуйте, — ответил мужчина.

— О, очень хорошо, Чессмен, раз уж ты настаиваешь. — Барбара заметила, что в стрессовых ситуациях Доктор обычно неправильно произносил фамилию Йена. — Как вам известно, Скунский камень, или «камень судьбы», использовался во время коронаций шотландских королей, по меньшей мере, с девятого века.

— Благодарю, Доктор, но степень по истории есть только у меня, — сказала Барбара.

— А, да, извини, дорогая. На чём я остановился? В 1296 году камень привёз в Англию Эдуард I. С тех пор он пребывает под Коронационным тронном Вестминстерского аббатства⁶, да? — Он

⁶ Скунский камень — священная реликвия Шотландии, представляющая собой блок песчаника весом 152 кг. В 847 г. король Шотландии Кеннет I привез камень в аббатство Скуна. В 1296 г. король Англии Эдуард I захватил Скунский камень в качестве трофея и перевез в Вестминстерское аббатство, где он был помещён под сиденье кресла короля Эдуарда. На протяжении веков на камне короновались сначала шотландские, затем английские монархи.

дотронулся до подбородка. — О чём вам не известно, так это о потенциальном вреде, который он может нанести.

Последний рывок передней стенки открыл ящик, и Йен потянулся к двум металлическим кольцам, располагавшимся с каждой стороны камня.

— Йен, стой, — приказал Доктор. — Помнишь, я говорил, что его нельзя трогать? Если ты прикоснёшься, кто знает, что может произойти.

— Но люди веками переносили его в руках.

— Может быть, может быть. Однако я бы предпочёл, чтобы ты не пытал счастья, юноша. Вот, возьми это. — Доктор вытащил из кармана пальто металлическую коробку приблизительно восьми сантиметров длиной и передал мужчине. Сверху располагалась серия небольших рычагов, и мерцали огоньки. — Помнишь, я показывал, как им пользоваться, Честертон?

— Да, Доктор. — Йен подмигнул Барбаре. — Надеюсь, эта штуковина сработает.

— «Штуковина»? Хочу, чтобы ты знал, это очень точно откалиброванная часть научного оборудования!

— Да, Доктор, — сказал Йен и принялся за работу. Электронный гул устройства безумно громким эхом разносился по аббатству.

Старик развернулся к Барбаре.

— Думаю, моя дорогая, сейчас нам потребуется фургон.

Снег падал, оседая на последствиях предыдущего выпадения осадков. Барбара сидела за рулём фургона, который они одолжили у Коннора, владельца паба. Во время двухдневной поездки из Килмартина она хорошо ознакомилась с автомобилем и теперь ощущала себя водителем — соучастником преступления из дешёвого фильма. Барбара надеялась, что полиция находилась в

тёплом участке, но ей, в машине с открытыми задними дверцами, у северного входа в аббатство, было не очень тепло.

До женщины донёсся гул устройства. Развернувшись, она увидела, что Йен и Доктор спешат к ней. Кажется, прибор работал.

Концентрические лучи энергии окружали камень, сияние вместе со светом уличных фонарей представляло взору багряно-красную поверхность песчаника. Это был первый раз, когда Барбара смогла рассмотреть камень. Он определённо был больше, чем она предполагала: около шестидесяти сантиметров в длину и тридцати — в ширину и глубину. Чтобы его перенести, подумала она, требовалось как минимум двое мужчин.

Но в данный момент камень парил примерно в полуметре над землёй.

За пределами Лондона они ехали уже пару часов. Фары фургона выхватывали из темноты проносившиеся мимо ряды строений ещё одной небольшой деревушки, отмеченной как Эт. Барбара сбавила газ. Ей не хотелось этого делать, особенно скрываясь с места преступления, однако превышение скорости могло привлечь лишнее внимание. Лучше выглядеть законопослушными. По предположению Доктора, в настоящий момент власти уже забили тревогу, и Барбара надеялась, что их не остановят на дорожных заставах.

Йен и Доктор теснились на переднем двухместном пассажирском сиденье. Первый — непосредственно рядом с ней, упираясь коленкой в рычаг переключения передач. Они обсуждали, действительно ли подойдёт им это время, в котором продолжалось нормирование продуктов⁷. Барбара понимала, что он пытался

⁷ Нормирование продуктов, введённое во время второй мировой войны Великобританией в целях преодоления дефицита продовольствия, было окончательно отменено только в июле 1954 года.

отвлечь её мысли от содеянного, и была благодарна. Доктор, облокотив голову на стекло, забылся во сне.

Они миновали деревню, и Барбара нажала на газ. Фургон начало уводить влево, поэтому ей пришлось вывернуть руль, чтобы по-прежнему ехать по прямой. Видимо, кроме снега на улице был ещё и ветер. Если она будет осторожной, беспокоиться не о чем.

Ветер усилился. Прежде чем Барбара это поняла, весь автомобиль задрожал. Осознав, что что-то не так, Йен посмотрел на неё.

Бабах!

Должно быть, лопнула шина. У Барбары не было времени подумать, фургон вышел из-под контроля. Йен схватил выскочивший из рук женщины руль и крикнул, чтобы та тормозила. Барбара машинально среагировала. Автомобиль вынесло на встречную полосу. Но он остановился.

Несколько секунд Барбара чувствовала лишь биение сердца. Затем со стороны Йена послышался голос Доктора.

— Мы уже приехали? — открыв глаза, спросил он.

Троица выкарабкалась из фургона, чтобы осмотреть урон. Ночь была ужасно холодной, всепоглощающая тьма приносила небольшое утешение. Барбара обняла себя руками и съёжилась.

Задняя шина со стороны водителя почти не уцелела; на мосту болтались лишь остатки вонючей, сожжённой резины. Вскоре Йен открыл багажник и стал искать всё, что могло бы помочь.

Камень по-прежнему был там, надёжно привязанный верёвками. К счастью, в машине оказались и запасное колесо, и домкрат.

— Конечно, они здесь будут! — сказал Доктор, порицая облегчённые вздохи спутников. — Эта операция требовала детальнейшей подготовки!

— Полагаю, вы захотите, чтобы колесо поменял я, — предположил Йен.

— О, я справлюсь, — ответила Барбара, беря в руки домкрат.
— Спасибо.

Доктор встал рядом и начал светить фонарём в её сторону. Женщина работала, ожидая в любой момент услышать в свой адрес критику.

— Йен, спрячь камень!

Барбара подняла взгляд, пытаясь понять, что встревожило Доктора. Поначалу она ничего не видела, однако через пару мгновений услышала отдалённый шум двигателя. Он приближался. Йен в спешке запрыгнул в фургон и начала расслаблять верёвки, сдерживающие камень. Мысленно Барбара просила Йена быть поживее, а подъезжающий автомобиль — сбавить ход. Как только камень оказался свободен, мужчина быстро включил устройство Доктора и скрылся в зарослях бирючины.

Барбара вернулась к тому, на чём остановилась. Чем больше она пыталась успокоиться, тем сильнее от паники дрожали руки. Открутив последнюю гайку, она собиралась снять остатки шины, когда возле них остановился автомобиль — полицейский автомобиль. Фары ярко осветили фургон, ослепив Барбару. Вместе с Доктором она повернулась к приближающимся полисменам.

— Ну что, — добродушно начал один из них — невысокий, с тонкими усиками. — Мы можем чем-нибудь помочь?

Полицейские оказались очень любезными. Барбара не могла упрекнуть их, что они делают доброе дело, помогая так рано утром в Рождество «молодой особе» и её «престарелому отцу». Играть роль у Доктора получалось с трудом, и Барбара опасалась, что он может поднять шум из-за пустяка и раскрыть их. Вскоре колесо было сменено. Доктор обменялся рукопожатиями с полисменами, принял пожелания веселого Рождества и проводил их до машины. Наконец, они уехали.

— Йен, можешь выходить, — крикнула Барбара.

— Думал, они никогда не уйдут, — сказал он, выбираясь из бирючины. Камень угрюмо плыл впереди.

— Я тоже, юноша, — сказал Доктор, похлопывая по карманам. — Но должен признать, что мы должны быть очень им благодарны...

Он подержал дверцу багажника, чтобы Йен смог уместить камень на место, а Барбара следом закинула домкрат и то, что осталось от старой шины.

— Делов-то! — подытожила женщина. — Поехали отсюда.

— Кстати, Доктор, — сказал Йен, когда они тронулись в путь. — Я бы хотел перекинуться с вами парой слов насчёт этой вашей штуковины.

— Штуковины? О ней можно сказать больше, мальчик мой...

— Она там ненадолго отключилась — не окажись я проворнее, она бы сломала мне ногу!

— А! — произнёс Доктор. — Думал, мне показалось, что бирючина выругалась!

— Это не повод для смеха! — воскликнул Йен, но Барбара уже смеялась вместе с Доктором.

— Да ладно, Йен. Сегодня же Рождество. Нужно всех прощать. К тому же нам удалось сбежать.

— И я того же мнения, — согласился Доктор.

Йен и Барбара вернулись к работе у миссис Макгэрри в местной школе. Доктор проводил большую часть времени, работая в ТАРДИС, но не сообщал, над чем. Он покидал арендуемый коттедж прежде, чем Йен и Барбара просыпались, а возвращался обычно после того, как они ложились спать. Иногда по выходным они вместе обедали, но, казалось, они были предоставлены своим новым жизням и испытывали за это благодарность.

Однажды, примерно четыре месяца спустя, после тяжёлого дня в школе учителя вернулись домой и нашли на столе записку: «Пожалуйста, возвращайтесь к кораблю».

Йен и Барбара обсуждали этот день, осознавая, что когда бы Доктор ни оказался готов покинуть Килмартин, им придётся решать, идти с ним или остаться. Они разрывались. Они почти обжились, новая жизнь и всё остальное вот-вот пришло бы в порядок. Однако, это не было их временем, и с каждым днём врать людям, откуда они родом, о семьях, о своём прошлом... Становилось сложнее, не легче.

ТАРДИС была спрятана в лесу, в десяти минутах от деревни. По пути к кораблю они не перекинулись ни словом. Йен остановился перед будкой и, прежде чем войти, постучался. Вот и всё, подумала Барбара. Корабль для них перестал быть домом.

Шаловливо улыбаясь, Доктор вышел из будки. Тотчас же женщина поняла, что расстаться с ними он пока не готов. К тому же, он вновь что-то задумал.

Позади старика в воздухе висел камень.

— Вижу, вы получили письмо, — сказал Доктор. — Что ж, нам ещё раз понадобится тот автомобиль...

Вновь оставив спутников одних в фургоне, Доктор ушёл «проведать обстановку».

— Я не понимаю, зачем теперь мы его возвращаем, Йен, — не унималась Барбара.

Мужчина пожал плечами.

— Одному Доктору известно, что творится у него в голове. Не похоже, что он делает это забавы ради. Он говорил, что камень «опасен». Полагаю, нужно ему верить, так ведь?

Барбара немного помолчала.

— Знаю, иногда он может преувеличивать, но в этот раз, думаю, он действительно не шутил.

— Тоже так думаю. Несмотря на то, что он и правда изменился с тех пор, как мы оставили Сьюзен.

От стука в окно спутники подпрыгнули. Это был Доктор.

— Идёмте. Путь свободен.

Вход был открыт. Первым, удерживая камень в воздухе при помощи устройства Доктора, в вестибюль Арбротского монастыря вошёл Йен.

Барбара, испытывая страх, что их поймают, была настороже. Скамьи и проходы пустовали: Доктор оказался прав — у них могло получиться.

Они подошли к алтарю — самому очевидному и заметному месту, где можно было оставить камень. Йен отрегулировал настройки устройства, чтобы поднять булыжник на необходимую высоту. Сдерживающие энергетические лучи вспыхнули... и погасли. Камень обрушился на пол и с жутким треском раскололся надвое.

— Йен! Осторожнее! — крикнул Доктор. Барбара ожидала, что вот-вот услышит шум сбегających ног.

— Давайте убираться отсюда, — сказала она. Никто возражать не стал.

— Будет слишком много вопросов, не так ли? — спросила Барбара по возвращении в ТАРДИС. — Мы не можем здесь остаться.

Перебирая руками по рычагам управления корабля и настраивая их на ещё один полёт, Доктор не смел смотреть ей в глаза.

— Всё равно бы не получилось, — начал он. — Жить настолько близко к своему времени... Это ещё хуже, чем быть от него в нескольких столетиях.

— Ладно, Доктор, — сказал Йен. — Что бы вы ни говорили. Но вы расскажете, почему мы так рисковали, когда похищали Скунский камень? Чтобы потом его вернуть?

Глаза старика сверкнули.

— Да, полагаю, вы заслуживаете объяснение, — сказал он. — Если бы вы пошли за мной...

Он быстро провёл их сначала через внутреннюю дверь ТАРДИС, далее по нескольким знакомым коридорам, затем — но незнакомым. В конце концов, когда любопытство Барбары поослабло, они оказались у не приметной двери.

Доктор скромно отступил в сторону.

— Прошу, чувствуйте себя как дома.

Йен шагнул вперёд и, открыв дверь, вошёл внутрь, следом за ним — Барбара. Как только женщина переступила порог, её охватило чувство спокойствия и безмятежности.

Они стояли в саду с каменными стенами, походившими на своды монастыря. Пол был вымощен плитняком, имевшим старинный вид. Стены ТАРДИС превратились в колонны и столбы, покрытые плющом и прочими ползучими растениями, словно она была заброшена несколько сотен лет. Именно отсюда исходило ощущение спокойствия — внутреннее чувство глубокой старости и окружающего безвременья.

Доктор улыбнулся удивлению спутников и произнёс:

— Если бы вы подошли сюда.

Он подвёл их к скамье из булыжника, стоявшей в углу галереи. За ней находился хорошо знакомый камень...

— Если это тот самый камень, тогда что же мы вернули? — спросил Йен.

— Дубликат! На его создание ушли все эти месяцы, но та подделка смогла бы одурачить даже меня!

— А я думал, я всё провалил, когда штуковина нас подвела.

— Да, да. Прошу прощения, Йен. Не хотел портить сюрприз. Как бы то ни было, на чём я остановился? О, да, в том изящном маленьком музее Килмартина я увидел фотографию камня и сразу же его узнал. Конечно же, чтобы убедиться, мне пришлось взглянуть самому, но он и правда оказался формой жизни с планеты Майка, можно сказать, экстрасенсорным камнем. Безвредный в большинстве случаев, рядом с сильным умом он способен передавать порождаемые им мысли в головы других

людей. — Доктор засмеялся. — Боюсь представить, каких странных идей он нахватался от ваших монархов!

— И никто не заметит? — спросил Йен.

Барбара тоже смеялась.

— Помню, ходили слухи, что его заменили подделкой шотландские националисты, — сказала она. — На самом деле, теперь понятно: камень случайно раскололи похитители⁸!

— Ну, сейчас он здесь и совершенно невредим, — произнёс Доктор. — Окружённый влиянием ТАРДИС, он будет проецировать лишь чувство умиротворённости.

— Да, оно ощущается в воздухе, — подтвердил Йен.

— Идеи ведь теперь исходят от корабля? — спросила Барбара.

— О, ещё бы, дорогая, — кивнул Доктор. — И, в конечном итоге, судьба может быть спокойна. — Он сомкнул руки на пальцах и впервые за несколько месяцев показался Барбаре счастливым.

— Но разве нельзя вернуть его туда, откуда он появился? — Йен раскрыл глаза от изумления.

Старик шлёпнулся на скамью.

— И куда же, Йен?

⁸ Рождественским утром 1950 г. четверо шотландских студентов из университета Глазго проникли в Вестминстерское аббатство и похитили Скунский камень. По пути они нечаянно уронили его, и блок разбился на две части. В Глазго студенты нашли каменщика, который склеил обломки, и спрятали камень. 11 апреля 1951 г., не желая превращать символическое похищение в банальную кражу, студенты принесли камень в развалины Арбротского монастыря, в северо-восточной Шотландии, и анонимно сообщили полиции о его местонахождении. Власти возвратили камень в Вестминстерское аббатство, где он был вновь помещен в основание Коронационного трона. В 1953 г. на нем была коронована королева Елизавета II.

— Ну, я не знаю. Вы сказали, он с какой-то Майки. Не стоит ли вернуть его домой?

— Домой? — переспросил Доктор, взмахивая рукой, словно прогоняя идею как комара. — Ты ведь испытываешь удовлетворение? Я бы сказал, он и здесь чувствует себя как дома.

Спорить было бессмысленно. Барбара уселась возле старого негодяя, а Йен, сделав небольшой выбор, занял место рядом с ней. Можно сказать кое-что ещё: сидя на скамье, они чувствовали, как вселенная проходит сквозь них.

Чувствовали спокойствие, удовлетворение. Чувствовали себя как дома.

Тысяча лет Рождества

Саймон Букер-Джоунс

Перевод Shadowcat

Редактура Chrestomanci

Приключение Третьего Доктора и Джо Грант

Доктор открыл дверь ТАРДИС и знаком пригласил Джозефину Грант выйти.

— Если я прав, Джо, и есть еще запас длины у нити, которой повелители времени привязали ТАРДИС, — Доктор имел в виду недавнее открытие: он может заставить ТАРДИС работать, но его тут же возвращает обратно на место ссылки, как йо-йо в руку школьника, — то это Планетфолл в Эстрингоки, в канун Рождества, величайший праздник знаменитого рифта пионеров. Мученики человечества, первые путешественники между галактиками, связавшие Млечный путь с Магеллановыми облаками. Люди, которыми нужно гордиться, Джо, люди, которыми нужно гордиться. Изумительное время в истории твоей планеты.

После последней регенерации Доктор носил тело, к которому его приговорили повелители времени, изгнав на Землю: седовласый, аристократический, напоминающий рассеянного орла. Смирясь с предпочтениями более щегольской инкарнации, он накинул на свои плечи отделанный красным шнуром опереточный плащ поверх бархатного пиджака и безукоризненно белой рубашки

с кружевными манжетами. В отличие от него, Джо, милая работница ЮНИТ и романтическая особа, обязанная своей секретной службой снисходительности ее влиятельного дяди, была одета по последней моде: колготки, мини-юбка, полосатый джемпер с круглым воротником, браслеты на правом запястье. И потому оба они не были подготовлены к свирепой вьюге. Особенно к вьюге, образовавшейся в ТАРДИС и с леденящей яростью выплеснувшейся на поверхность планеты. Воздух вокруг них кристаллизовался. Одним движением Доктор завернул Джо в свою мантию и толкнул ее обратно на корабль. Его рука ударила по кнопке, закрыв дверь.

Позже, пока лекарство от обморожения — бальзам телесного цвета из металлического тюбика — восстанавливал кончик носа Джо, Доктор внимательно смотрел на изображение на мониторе. За дверью простирались смерть, холод, снежная мгла и запустение. Несмотря на возражение Джо, что здесь незачем оставаться и с тем же успехом можно улететь, у Доктора было странное предчувствие. Тянущее ощущение между двумя старыми сердцами. Ледяные просторы на экране были ему почему-то знакомы, хотя он знал, что не ожидал их. Он ожидал увидеть живой, процветающий мир. Опоздал он или прилетел слишком рано?

Он знал, что должен пойти и увидеть сам. Джо смотрела, как он вытаскивает вещи из шкафов и комодов, чайных коробок и морских сундуков по всей ТАРДИС, создавая что-то вроде суперантарктической экипировки. Костюм состоял частично из меха, частично из футуристичной, серебристой, сохраняющей тепло материи — все было связано вместе и скреплено во что-то, что Доктор назвал «курткой, конденсирующей атмосферу».

— Ты сможешь следить за моими передвижениями на сканере, Джо, — сказал он, подбадривая. — Я ненадолго.

— Не понимаю, почему ты вообще должен идти? — выпалила Джо, с искренней обеспокоенностью глядя на блеск за стеклами антарктических защитных очков Доктора.

— Странное чувство. Я должен сделать кое-что. Что-то зовет меня.

— Тогда я иду с тобой!

— Джо, я не уверен, что это разумно. Я гораздо лучше переношу холод, чем ты. Кроме того, хватит и одного из нас, одетого как курица в духовке.

— Ты правда думаешь, что мне лучше остаться?

— Да, Джо. На этот раз я правда так считаю.

Доктор брел по замерзшей равнине. Он терял не так много тепла, как предполагали протестующие ноги, но пальцы решительно мерзли. Впереди виднелся массивный пик.

Доктор видел подобный эффект в меньшем масштабе, в лужах — вода, замерзая у края, расширялась, и создавала волну в быстро остывающем воздухе, которая так и застывала в вертикальном положении. В результате получался острый выступ, фантастический цветок из льда.

Приближаясь к нему, он находил там и здесь торчащие из земли поврежденные морозом предметы, расколотые и покрытые причудливым узором трещин. Летающий автомобиль на воздушной подушке, оснащенный полозьями и парусом, замерзшим в виде остроугольного треугольника, позволял предположить, что еще было время попытаться уехать, даже когда штормы в быстро охлаждающемся воздухе сделали невозможными воздушные перемещения.

Доктор задумался, было ли здесь какое-то центральное убежище для выживания или корабль для эвакуации всего населения. При мысли о том, что впереди найдутся лишь трупы, его пробрал холод, не имеющий ничего общего с температурой вокруг. Но ведь не трупы вызывали это необычное притяжение, ведь так? В призраков он не верил.

Дойдя до ледяного хребта, он вдруг почувствовал отзвук воспоминания.

Год назад

Когда-то здесь была восторженная толпа, состоявшая не только из теней. Здесь бывали дровосеки из темного леса Норна, покрывавшего склоны горы Церебус до самых окон первых поселений.

Были и горожане из Хессебии, Мингольстранда и Ванина, приехавшие на гусиную выставку в Эстрингокле.

Теперь на месте вымершего леса проплешинами зияла замороженная тундра, дома были изгрызены временем. Хессебия, Мингольстранд и Ванин находились под ледниками.

Только десять тысяч хрустальных колонн, отбрасывавших странные тени, наблюдали за тем, как огромная генетически созданная сосна — единственная на планете — получала свое традиционное одеяние. Руки Доктора двигались быстро и точно. Он повесил каждую игрушку, каждую золотую и серебряную нить так решительно, будто руководствовался математическими вычислениями.

К этому его визиту не было уже даже лесных животных, следящих за ним безразличным взглядом. Только призрачные колонны и пустые глаза окон, разрушенные дома на городской площади. Несмотря на это, он пришел.

Это было рискованно. Повелители времени следовали за ним по пятам, и, сделав крюк, чтобы посетить эту планету, он просто напрашивался на поимку. Он мог представить бедных клерков и функционеров, пытающихся распутать его приключения до того, как он попросил помощи в завершении того дела с военными лордами. Вглядываясь и всматриваясь во все его остановки, все путешествия, пытаюсь найти смысл в его небрежном существовании. Тем не менее, несмотря на трясущиеся от холода руки и заболевшие до слез глаза, у него были обязательства. В этот раз, как и в большую часть, хотя и не во все, своих предыдущих

визитов, он уговорил своих спутников остаться в безопасности и тепле ТАРДИС. Это был его долг, его обещание.

Как и всегда был канун Рождества по незаметному календарю колонистов, и дерево было закончено к тому, что, при наличии бьющих часов, было бы первым ударом полуночи.

Сейчас

Метеориты сильно бьют по старым корпусам ракет Марс-Венера, но неожиданное воспоминание бьет сильнее. Оглушенный собственным прошлым, Доктор упал на колени, проломив небольшие кратеры в паковом льду. Его прошило осколками холода. Его импровизированному костюму не хватало многослойности его космических сапог. Костюм неплохо изолировал до тех пор, пока Доктор стоял, но у земли от него было не больше пользы, чем от фрака. Иней перестал таять на его коже и толстым слоем покрыл брови.

Перед ним, словно указатель, рука в черной перчатке и хромированное предплечье торчали из толстого льда, псевдо-плоть мускулов, съеденная холодом, обнажила покрытый трещинами и шрамами металл.

Доктор с трудом встал на ноги. Значит, этот зов был неспроста. Это была не иллюзия, но психическая сила. Когда-то в прошлом, он дал свое слово, слово повелителя времени, довести здесь что-то до конца. Это было важно. Никто не должен нарушать обещание, но так легко найти оправдание. Для общего блага, например. Или вот «по причинам делового или непредвиденного характера». А еще были причины предвиденного характера, любимое оправдание повелителей времени. Ибо кто может возразить им, если они утверждают, будто предвидели тяжелые последствия верности слову?

— Ты должен нарушить обещание, просто поверь нам на слово...

И все же, с легкостью оправдывая собственные предательства, они не проявляли сочувствия к чужим. Худшим преступлением ренегатов в глазах Верховного Совета были не тирания или банальность зла. А подрыв авторитета, пренебрежение обязанностями и честью повелителей времени. То, что они крали, лгали и обманывали, как маленькие люди, личинки в грязи истории.

Доктор был наказан за вмешательство изгнанием на Землю, но он знал, что наказание за нарушения слова было бы куда суровее. Возможно, поэтому ТАРДИС разрешили прилететь сюда именно сейчас. Ведь повелители времени подошли слишком близко к тому, чтобы заставить его нарушить клятву.

Он вспомнил...

Много лет назад

Доктор держал на руках металлическое существо, чьи последние жизненные масла вытекали через суставы.

Существо болело артритом роботов, подагрой роботов... Этот робот был стар.

Он годами выполнял свою работу только для того, чтобы повредиться от холода и сломаться за десятилетия до достижения цели. Это был всего лишь вспомогательный механизм, и его задание, с высокомерной точки зрения повелителя времени, было не более чем пустой суетой.

И все же.

Он думал, что Сьюзан бы это показалось трогательным — ребенку, дававшему имена кораблю. И Вики, придумавшей имя роботам Риллов за то, что они издавали забавные звуки. Даже упрямец Стивен сохранил свою панду-талисман при себе во время всех ночей заключения на Механосе. Может ли человек дать обещание умирающему механизму?

А повелитель времени?

Он дал.

Сейчас

Вскоре после предыдущего визита, когда повелители времени догнали его и изгнали за то, что он вмешивался в дела Вселенной, а не наблюдал за ней, они забрали не только его знания о ТАРДИС, но и часть воспоминаний, связанных с ее использованием. Воспоминания о некоторых путешествиях и, совершенно случайно, о данном обещании.

Так что он знал, что должен сделать, но не помнил, почему это было жизненно важно. Тем не менее, он пройдет по мертвому миру и отдаст дань уважения, за еще один год.

В ТАРДИС Джо приготовила для него горячую кружку какао, и в этот раз бальзам лечил его руки.

Доктор рассказал ей о странном старом дереве. Разработанное, измененное и перестроенное так, чтобы его корни могли поглощать полезные вещества и воду из скал, согретое внутренним жаром мира, с зеркальными иголками, собиравшими свет далеких звезд, и все же хвойное дерево, символ обновления природы. Он рассказал ей о тысячах тысяч ледяных скульптур, окружавших дерево — людях-колоннах, вырезанных будто наблюдающими за ним, стоявших большими концентрическими кругами, гигантским ледяным амфитеатром — и о стазисном тайнике с временным замком, открывающимся каждый год в это время. Доктор показал ей руку, которую нашел, разрушенную холодом часть одного из роботов, которые должны были каждый год открывать тайник и исполнять предписанный ритуал.

И он сказал ей, что нужно будет вернуться. Он должен закончить. Если он улетит, то может никогда больше не найти это место. Ему нужно будет исполнить ритуал на этот раз.

Десять раз ТАРДИС прыгала вперед во времени, приземляясь на год позже на безжизненной планете. Десять раз Доктор с трудом пробирался через ледяную пустыню, чтобы исполнить свой долг

несмотря на долгую ночь. Джо начала ходить с ним после его четвертого путешествия, не желая больше оставаться и ждать.

И на одиннадцатый год, на Рождество, вновь вспыхнуло солнце, и произошло чудо. Доктор и Джо тихо ушли, пока все просыпались, как родители, на цыпочках проходящие мимо двери в детскую.

Эпилог

Каждый год сановник из Крингштадта, известный актер из гастролирующего театра, посол из центральных миров или принцесса крови приходили в город Эстрингокл на Оссиан Минима, чтобы нарядить великое дерево и зажечь рождественские огни.

Каждый год на протяжении девяти столетий, в мирах Тланассических Рифтовых поселений, Дерево Эстрингокла было центром их надежды на обновление, их религий и традиций, принесенных с Древней Земли. Дерево, модифицированная сосна обыкновенная, должно было прожить тысячу лет. Его посадили на первое Рождество, которое отпраздновали первопроходцы, и каждый год с тех пор его украшали на Рождество. В первое свое десятилетие оно едва достигало роста ребенка, но дерево росло век за веком, до тех пор, пока огоньки не стали развешивать серебристые летающие роботы, потому что у человека уходил бы день на то, чтобы добраться до вершины.

Только во время великого бедствия, когда Оссиан Максима разрушилась, орбита ее сестры изменилась, первопроходцы замерзли, и дерево превратилось в девятифутовый ледяной сталагмит, церемония, казалось, была обречена на провал. Даже тогда, когда население планеты застыло в крионической заморозке вокруг него, согласно легенде, огни и украшения продолжали появляться на Дереве год за годом, и благодаря инерции зрительного восприятия замороженным свидетелям казалось, что

каждая минута, проведенная в замедленном времени, была минутой Рождества.

Это, конечно же, чепуха.

Потребовалось бы тысяча лет точно спланированных украшений, а археологические раскопки, проведенные первопроходцами, пробудившимися от глубокого сна, подтвердили, что роботы технического обслуживания вышли из строя вскоре после начала перерыва.

Несмотря на это, поколение, пережившее катастрофу, действовало так, будто легенда была правдой, и, опираясь на нее, совершало великие дела. Такова сила рождественских историй.

История Кантика Танлака о праздниках рифта, книга пятая.

Долгое Среднезимье

Филипп Пурсер-Халлард

Перевод Vvn1995, zolko

<http://notabenoid.com/book/45135>

*Приключение Восьмого Доктора
с Джеммой и Самсоном Гриффинами*

I. Кебалау

Кебалау танцует, борясь с холодом.

Ускоряясь с помощью нимба, цепляясь и размахивая руками, она снует вверх и вниз, влево и вправо, вперед и назад, спускаясь ко всему, до чего она может дотянуться: к гирлянде, украшающей дом-ракушку, к гигантскому существу на балюстраде, к конечностям братьев Этуру и Эрейпа, даже к ответвлениям ее матери Ватер, где старая леди плывет как привязанный бумажный змей.

Лучше так, думает Кебби, чем дрожать на ветру или толпиться в поисках тепла вокруг жерла.

«Я блуждающий огонёк!» — кричит она своим братьям и Ватер на тот случай, если старая женщина воспринимает. — «Я легко летящая, порхающая! Смотрите, смотрите, я пылинка!»

«Успокойся, Кебби», — Этуру делает ей замечание, но при этом улыбается. «А то не сможешь заснуть! Праздник ещё нескоро».

Она высовывает язык, оскорбительно мигая своим нимбом.

«Какой же ты вредный».

Этуру всегда хотелось быть ответственным, особенно теперь, когда у него было уже три конечности. В отсутствии Мебби и Лубби, заботиться о них должна была Ватер — но она даже никому

в деревне не мерцала с тех пор, как они отшвартовали свой дом-ракушку и отправились на Небесное Древо и Праздник. Лубби объяснил Кебалау, что Ватер должна сосредоточиться: это специальная разновидность концентрации, чтобы подготовиться к первому посещению Древа. Теперь, когда их опекуны ушли для спаривания с четырехконечными жителями из других деревень и для получения очищенных скорлупок для Праздничной трапезы, мечты Этуру сбылись.

Присматривать нужно за Эрейпом, а не за Кебалау. Мигая своим нимбом, она ныряет под дом, цепляясь за лианы и завитки, качаясь на руках по ту сторону огромной нижней части ракушки. Под ней, близко прижавшись друг к другу, располагались другие жилища — новые дома, как новые люди, откуда же они только взялись? — далеко внизу их были сотни тысяч. Все прибывали на планерах, лодках-ракушках, крыльях-путаницах и караванах — так много народу, больше, чем Кебби видела или представляла за всю свою трехлетнюю жизнь.

Согласно старой семиконечной Бутава, весь мир собрался здесь для тепла. Вдалеке плывет Мировое Древо, центр всеобщего внимания, окруженное деревянными сферами многоконечных.

Кебалау делает паузу, а затем повисает между двумя листовыми щупальцами. Она очень надеялась, что к Празднику тоже будет трехконечной. Она упорно искала ногу-зародыш, но ничего не было. Теперь она знает, что по-прежнему будет двухконечной, когда они возведут Древо.

Отстой. Сейчас она должна быть достаточно зрелой. Наличие только двух конечностей бесило. Следующий Праздник так нескоро, она станет старенькой старушенцией, старше Бутава, старше Ватер. Её уже не будут заботить раскачивания на сучьях, или блеск-сверкание, или любые другие игры — только работа на Древе с другими сварливыми многоконечными. Это нечестно.

(«Не бери в голову, Кебби», — успокаивающе пульсировал Мебби, когда она жаловалась ему накануне. «Ты одна из тех, кому

повезло, знаешь ли. Множество детей растут и получают новые конечности, ни разу не побывав на Долгом Среднезимье, и должны присоединиться к Древу на своем первом Празднике, как Ватер. Или они четырёхконечные, и приходят со своими детьми, как Лубби и я. У тебя же всё совсем не так».

Мебби тоже бесил.)

Снова танцуя, Кебалау устремляется к нижнему ярусу дома-ракушки, готовясь прыгнуть на верхушку панциря позади братьев и удивить их.

Она внезапно останавливается.

Забавный незнакомый объект покоился на гладком перламутре балкона, расположившись между парой жерл, казалось, что он возник из горячих газов, или просто из ничего. Он был странной формы, холодного, темного цвета, с четкими линиями и углами. А наверху был фонарь, который отбрасывал бледный нимб.

Кебалау смотрит на него и думает о том, что же это за существо такое?

II. Самсон

Под скафандром у Самсона Гриффина всё чесалось.

Он уныло думал о том, что несколько месяцев назад такая проблема могла возникнуть только на собеседовании при приёме на работу или на похоронах. И виновный костюм тогда был бы скучный, но выбранный со вкусом, скорее всего мамой, купленный скорее всего в M&S, и дополнялся бы не менее заботливо выбранным галстуком и натёртыми до блеска туфлями.

Он сомневался, что галстуком можно было дополнить скафандр или «Защитную Оболочку для Экстремальных Атмосферы и Гравитации» – кажется, так это называл Доктор.

Но, как бы ни чесалось, Самсону не суждено было раздеться. Доктор доходчиво объяснил, что в этом случае его тут же раздавит,

отравит, прожарит и облучит горячая ядовитая атмосфера Йесод и её жуткая гравитация, а это не лучший способ провести выходные.

Он посмотрел на сестру, вернее, на ту её часть, которая выглядывала из-под стеклянной маски. В отличие от его «защитной оболочки», которая была зеленовато-жёлтого цвета, её оболочка была чёрная. Разные цвета явно нужны были для того, чтобы различать друг друга. Доктор, разумеется, взял себе самую лучшую — синюю, как ТАРДИС.

— Клёвая паранджа, — сказал Самсон Джемме.

Для того, что бы понять её ответ, встроенное в скафандр радио не понадобилось. Перчатки скафандра позволяли делать оскорбительные жесты.

Доктору понадобилось около часа для того, чтобы найти экипировку среди гектаров гардероба ТАРДИС; Джемма в это время была готова на стену лезть от нетерпения. Всегда, когда они приземлялись в каком-то новом месте, она хотела выйти и начать что-то делать — не важно где и что именно делать, всё было новым и захватывающим. Самсон знал, что путешествия во времени и пространстве с эксцентричным пришельцем были не совсем тем карьерным путем, который имела в виду его сестрёнка, когда ушла из колледжа, но, казалось, что её это вполне устраивает.

Он тоже был вполне доволен, но кроме того, он был бы доволен и летней работой в Фолкстонской библиотеке. Ему было легко угодить.

Конечно, если притащить его на коричневого карлика⁹, где гравитация может расплющить танк, а потом атмосфера еще и растворить, завернуть его в высокотехнологичный мусорный пакет и окружить разъяренными инопланетными монстрами, то работа в местной библиотеке сразу же станет выглядеть намного привлекательнее.

⁹ Субзвездный объект.

— На самом деле, — терпеливо разъяснял Доктор, — мы здесь не для того, чтобы навредить вашим детям. Или кому бы то ни было. Мы просто хотим изучить ваши солнца. Мы даже не планировали приземляться на Йесод — мы пытались сесть на вашем спутнике Мальхут. Он более гостеприимный для нас, гуманоидов.

Самсон сомневался, что монстров это убедило.

Конкретно эти были на удивление человекоподобными, по крайней мере по сравнению с некоторыми пришельцами, которых он видел: их лица и общая форма тел были довольно близки к человеческим. Хотя руки и ноги выдавали в них инопланетян. Их число колебалось от одного до семи, а ноги кончались ладонями, что позволяло опираться на четыре конечности, как обезьянам. У выглядящего самым старшим из них конечности торчали во все стороны, как у морской звезды.

Прибавьте к этому блестящую металлическую кожу, светящиеся нимбы, окружавшие их головы (хотя, возможно, это была функция скафандра, которая позволяла ему видеть инфракрасный спектр и радиоспектр), и тот факт, что они могли летать, или по крайней мере парить, не говоря уже о зловещем органикоподобном оружии, которое они держали — да, йесодианцы выглядели типичными инопланетными монстрами.

Очевидно, Доктор был в своей стихии. Конечно, не буквально, хотя Самсон бы не удивился, увидев его вышедшим на платформу в своем обычном виде — в бархатном сюртуке, с длинными каштановыми волосами, свободно развевающимися в жарком едком густом тумане, который был на Йесод вместо воздуха. Жгучая атмосфера доставила бы ему не больше неприятностей, чем ТАРДИС, чья краска, как заметил Самсон, даже не облезла от жары.

— Как вы, надеюсь, знаете — восхищенно говорил пришельцам Доктор, — Кетер-Тиферет одна из самых зрелищных двойных звёздных систем в этой галактике.

Из мини-лекции, которую Доктор прочитал им в ТАРДИС ранее, Самсон помнил, что Тиферет была ближайшей из двух солнц (она была красным гигантом, на тот момент заполнявшим собой около четверти небосклона), тогда как Кетер была далекой белой точкой, восходящей позади.

— Мы бы хотели посмотреть на неё.

— Ну, фактически это ты хотел, чтобы мы посмотрели на неё,
— вставила Джемма.

— Да, спасибо, Джемма, — сказал Доктор. — Нет, конечно ваши дети выглядят просто прекрасно, — он улыбнулся одному безногому монстрику, на которого он, казалось, произвёл впечатление, — но мы только что пообедали, и к тому же...

— Нет, нет, нет, — поспешно добавил он. — Я просто шучу, честно. Пытаюсь растопить лёд, так сказать... нет, серьёзно, опустите, э-э, морских коньков, я уверен, что мы можем поговорить спокойно...

Одно из существ с четырьмя конечностями схватило любопытную девочку за руку и втянуло её обратно к другим йесодианцам.

«Отойди, Кебби», — сказал взрослый монстр.

Ну, как сказал... На самом деле, он пульсировал своим нимбом, а слова выходили из динамиков на скафандре Самсона. Это был приятный баритон. Самсон не имел представления, насколько это заслуга скафандра, а насколько обычный фокус с переводом ТАРДИС.

«Вы пришли сюда», — пульсировал старший йесодианец, обращаясь теперь к незванным гостям, — «во время Праздника Среднезимья, в самое холодное время за весь Долгий Год, когда весь наш мир собран вместе и уязвим... Вы поднимаетесь на Мировое Древо, сердце нашего мира, и вы ждете, что мы поверим, что вы здесь для того, чтобы посмотреть на звезды?»

— Морозные зимние ночи, — заспорил Доктор, — лучшее время для этого.

Это все относительно, полагал Самсон. Температура снаружи скафандров могла бы моментально их поджарить. Это был один из полезных фактов, которые он узнал, пока Доктор копался в гардеробе ТАРДИС. Другой заключался в том, что гигантский мир был в многих миллионах лет в его и Джеммы будущем, но он усердно старался не думать об этом.

Нет, все-таки эти существа были очень инопланетными, как бы человекоподобно они не выглядели. Они жили в атмосфере того, что было фактически звездой, что для Самсона само по себе было довольно странно. Он не видел возможности найти с ними общий язык — даже понятия «общий язык». Или, если на то пошло, любого вида «языка».

— Погодите! — Доктор попытался хлопнуть себя по лбу и растерялся, когда его перчатка стукнула по защитному стеклу.

— Вы сказали «Праздник Среднезимья»? — он повернулся к своим друзьям. — Джемма, Самсон, вы слышали? Это же Рождество! И это значит, что пришло время для подарков! — он обернулся к пришельцам.

В скафандрах были карманы, защищенные от атмосферы прочной пластиковой застежкой. Карманы Самсона были пусты, но оказалось, что Доктор забил свои всем тем странным хламом, который он обычно таскает с собой.

— Как тебя зовут? — спросил он юную йесодианку, деловито роясь в карманах. — Кебби, не так ли?

«Кебалу», — робко замерцал пришелец, а голос в динамиках Самсона зазвучал как голос маленькой девочки.

— Хорошо, Кебалу, — сказал Доктор. Он вынул бриллиант размером с теннисный мяч, сверкающий сине-зелеными гранями. Глаза Самсона вылезли из орбит. Как он заметил, реакция Джеммы была такой же.

— Боюсь, этого не так уж много, — сказал Доктор, — но это то единственное, что есть у меня, что выдержит вашу атмосферу.

Он протянул бриллиант маленькой девочке и осторожно потрепал ее по серебристым волосам.

— С Праздником Среднезимья, Кебалу.

Кебалу с подозрением осмотрела свой подарок. Наступила длинная пауза. Йесодианцы беспокойно поглядывали друг на друга, но, казалось, полагались на решение опекуна ребенка.

Наконец нимб старшего вновь запульсировал.

«Кебби?» — строго спросил он маленькую девочку. «Что надо сказать?»

III. Бутаво

«Давным-давно», — рассказывала Бутаво, — «ещё до того, как любой из вас, или я, или кто-либо из наших знакомых стал семенем, наша планета, Йесод, была горячей. Она горела своим внутренним огнем, который сейчас находится глубоко внизу, под самыми низкими облаками. Мир был ярким и полным тепла, и нашим предкам, их детям и животным никогда не было холодно. Создатели дали им все, что могло им понадобится, и они ни в чём не нуждались».

Дети смотрели широко раскрытыми глазами на старую сказительницу: с одной конечностью, с двумя, с тремя, даже лишённые конечностей новорожденные, лежавшие на руках у опекунов, — все внимали её словам. Плавающая платформа газового гребешка наверху ракушки была окольцована сильными жерлами, которые так интенсивно вырабатывали тепло, что даже в Среднезимье дети могли бы представить, что значит быть всегда в тепле.

Они были детьми, с воображением и здоровьем, которое даёт юность. Старая Бутаво не чувствовала ничего, кроме холода.

«Затем медленно», — продолжала она, «много жизней спустя Йесод стала остывать. Её внутренние огни не могли поддерживать сами себя и начали затухать, возвращаться обратно в сердце мира,

где их угольки светятся до сих пор. На внешней сфере, где стали жить наши праматери, сначала было не так жарко, потом просто тепло, и, наконец, наши предки начали чувствовать холод космического пространства».

«Впервые с тех пор, как наш народ поселился на Йесод, они заметили Долгий Год».

«Некоторые из вас знают, что наш мир вращается вокруг Тиферет, красного солнца; или, вернее, Йесод и Тиферет вращаются вокруг друг друга. Время, которое им требуется для полного круга, мы называем малым годом. Но Тиферет стара и слаба, хотя все еще горячее, чем когда-либо была Йесод. Малые сезоны почти не влияют на наши жизни, и мы используем их лишь для того, чтобы отмерять время».

«Долгий Год бывает разным».

Слабое возмущение на краю платформы, за полосой жерл, подсказало, что прибыли еще зрители. Это был один из четырехконечных пришельцев, в синем облачении, который, кажется, был опекуном остальных. Маленькая Кебалау была с ним, обняв его за шею, когда он шагнул из-под крыла-путаницы на ободок гребешка. Сопровождающий подтолкнул его к переднему кругу зрителей, где он и расположился; его глаза за маской были так же широко раскрыты и излучали любопытство, как и у любого ребенка.

Бутаво продолжала. «Долгий Год длится столько, сколько нужно пяти поколениям, чтобы вырасти и стать многоконечными. В это время Йесод и Тиферет вместе вращаются вокруг белого солнца, Кетер. Кетер далека, но неистово горяча, она ярче Тиферет. Все Долгое Лето Кетер близка, она согревает нас, как нимб Первого Творца. Когда Йесод отдаляется от нее, все наше тепло зависит от бедной, немощной Тиферет. И когда мы достигаем самой дальней точки от Кетер, наш мир начинает свой долгий медленный путь обратно к его свету, мы сталкиваемся с Долгим Среднезимьем».

Бутаво слегка усилила свой нимб, снизив вес на треножнике своих ног. Ей было 45 лет, и если бы она оставила свое тело на произвол судьбы, это сделало бы ее многоконечной раньше. Она еще была не готова ни для становления многоконечной, ни для своего первого восхождения на Древо. Конечно, это было эгоистично, но она все еще чувствовала, что ей необходимо провести свой первый Праздник древней и уважаемой семиконечной: познать Среднезимье хотя бы раз с друзьями, семьей и детьми.

Она сияла: «Наши предки знали, что тепло Йесод медленно утекает в космос, каждый следующий Долгий Год будет холодней предыдущего, каждая Зима будет жестче и мучительней. Вместе они долго и упорно думали о том, как им лучше защитить своих детей и потомков — защитить нас — от вторгающегося холода».

«И собрались они вместе, и вырастили они Мировое Древо».

Бутаво думала, что после этого Праздника, после этого Среднезимья, после того, как Древо прольёт тепло и свет на еще один Долгий Год, она позволит себе измениться. Когда она стала многоконечной, её потомство ещё было в зародыше. Несомненно, ей будет приятно — семена ото всех её молодых вязок будут ветвиться в свою новую жизнь. Это порадовало бы Фараму и Туркесса, потомков её опекуна, — у неё наконец-то будут собственные дети.

История близилась к завершению. «Когда Среднезимье Долгого Года стало приближаться, многоконечные впервые собрались вместе. Старейшие из них были готовы умереть, присоединяя корни к ветвям, ствол к стволу, и так они срослись, и так они стали Мировым Древом. А затем младшие многоконечные, еще не готовые для великого соединения, поднялись и связали друг друга, корни и ветви, и так две кроны Древа Среднезимья росли и росли».

Дети много раз слышали историю. Даже те, кого Бутаво никогда не встречала, могли слышать ее от своих опекунов, когда

всякий раз жаловались на холод, хотя их деревни были недалеко от Небесного Древа. Только Доктор, пришелец, находил эту старую-престарую историю новой.

Все с уважением приняли посетителя.

«Древо Среднезимья было Древом Жизни, Древом Мудрости для многоконечных, ставших единым разумом и телом, и те, кто присоединился к Древу в тот день, остаются частью величайшего разума, когда-либо известного миру».

«Оно становилось выше, его ветви раскидывались до тех пор, пока не вышли за пределы воздуха, света и тепла Йесод, и не поднялись в холодную темноту космоса».

«А там ждал свет Тиферет. Старое красное солнце было еще достаточно теплым, чтобы согреть ветви Древа; и так те многоконечные, которые сложили его внешнюю крону, начали светиться небесным огнем».

«И все то сияние, огонь с небес, вливался Древом в мир, и Йесод снова стал теплым».

Не только Бутаво, но каждый здешний ребенок, каждый из ее нерасцветших семян, будут среди многоконечных следующей зимой. Каждый ответственный старейшина, каждый сыграет свою роль в строительстве Древа Среднезимья. И однажды, много Долгих Лет спустя, Бутаво перестанет любить свою жизнь, и когда придет следующее Среднезимье, она взберется на ствол Мирового Древа и уже больше никогда не спустится. Она соединится с великим разумом мира и не будет больше Бутаво.

«И все семиконечные», — сверкала она, — «все шести— и пятиконечные, все четырехконечные с детьми, трех-, двух— и одноконечные и новорожденные собрались вокруг. Они смотрели на то, что их матери и отцы, праматери и праотцы сотворили. И они грелись в сиянии Древа, праздновали, пировали, танцевали и играли».

Ее взгляд против воли обратился к пришельцу Доктору. Он задумчиво кивал, и Бутава с удивлением обнаружила в его глазах печаль, соответствовавшую ее собственной.

«Так и возник первый Праздник Среднезимья. И поэтому с тех пор каждое Долгое Среднезимье мы собираемся вместе у Небесного Древа, чтобы оплакать смерть Долгого Года и вкусить обещание далекого Лета».

IV. Жемма

«Господи, это так круто», — думала Жемма. Возможно у неё проблемы — ой, да ладно, у неё точно проблемы — но оно того стоило. Этот стремительный полет сквозь парящий лес, опоясывающий весь мир, этот вид гигантского Древа, этот живой дельтаплан, реагирующий на ее прикосновения, это чувство абсолютного контроля над своей судьбой...

Кто-то разговаривал.

— Прошу прощения, что ты сказал? — вежливо спросила она.

— Я говорил, — повторил Доктор, из-за всех сил старающийся сохранить равновесие и своё достоинство, сидя на спине пугливого летающего ската, — что на самом деле очень беспокоюсь за вас. Спускайтесь немедленно, оба.

Находясь на ветке цвета меди в двадцати футах над ним, Жемма старалась не улыбаться. Игривые интонации выдавали то, что Доктор явно напуган.

Доктор скрестил руки на груди. Коготь на конце крыльев существа медленно рассекал воздух, создавая в деревьях вихри кровавого цвета. Над его головой располагалась уходящая далеко в небо крона, это было сияние гигантского нимба Древа.

— Ну, — сказал Доктор, — вы собираетесь спускаться, или мне подняться и спустить вас?

Жемма закатила глаза:

— Ты разве наша мамочка?

Что ж, это прозвучало совсем не так взросло, как она хотела.

Стоящий рядом с ней Самсон безвольно сказал:

— Эм, есть небольшая загвоздка, шкипер. Мы вроде как потеряли наши дельтапланы. Вскоре после того, как мы высадились здесь, они отвязались и улетели домой. Мы застряли.

Доктор свирепо взглянул на них.

— Знаю, это справедливое наказание, — неловко продолжал Самсон. — Моя вина, полагаю. Я не осознавал, что мы злоупотребляли этим.

Джемма застонала:

— О, выключи своё благородство. Это была моя идея, Доктор. Я попросила Туркессу достать нам дельтапланы, и затем заставила Самсона пойти со мной.

Ей почти всегда это удавалось: в конце концов как бы Самсон себя чувствовал, если бы его младшая сестра была в опасности, и его не было бы рядом, чтобы её защитить? Вот такая штука. Честно говоря, если бы она его не подталкивала, он бы никогда толком и не веселился.

А это было весело. Конечно, после того, как она настояла, чтобы они поближе взглянули на Мировое Древо, все пошло не совсем так.

— Мы как-то упустили из виду Туркесса и Фараму, — объяснял ее брат. — Мы подумали, что если бы нашли устойчивое место, здесь, в лесу, то мы смогли бы отыскать их. Или выяснить где мы. Но у дельтапланов были другие планы.

— Я вижу, — нахмурился Доктор. — Так. Полагаю мне лучше попытаться достать эти крылья-путаницы для вас, не так ли?

— Ничего себе! — добавил он, когда существо под ним неожиданно дёрнулось.

— Так, — снова сказал он. — Полагаю, что вы не можете просто спрыгнуть сюда ко мне, не так ли?

Джемма пристально смотрела на Доктора, затем перевела взгляд вниз, вдоль серебристо-бронзовых корней их дерева прямо

до пурпурной бездны внизу. Самые низкие облака были почти прозрачными, и каждые несколько секунд она могла видеть всполохи пламени, вырывавшиеся из бездны быстрее скоростных поездов, и уж точно превосходившие их по размерам. «Ад» было не то слово, которое Джемма часто использовала, но в тот момент она не могла придумать лучшего сравнения.

Кроме того Джемма пробыла на Йесод уже довольно долгое время и знала, что здесь предметы падают чертовски быстро.

— Э-э, нет, — сказала она. — Даже через миллион лет.

— Какая разница — миллион тут или там? — пробормотал Самсон.

— Что ж, мы должны быстро разобраться, — отрезал Доктор. — Наши хозяева очень раздражены. Хескиу — один из самых почитаемых мудрецов, он медитирует для подготовки к своему окончательному союзу с Мировым Древом, и если вы, дети, потревожите его... — он замолк.

Джемма нахмурилась.

— Так это его дерево, да?

Доктор закрыл глаза и устало потер защитное стекло.

— Его дерево, — повторил он. Скат пытался сбросить его, но он, казалось, не замечал этого.

Хорошо, неправильно говорить «дерево» так же, как и «скат», но Джемме было все равно. То, на чем они сидели, не выглядело каким-то особенным. Оно было с ветвями и корнями, пусть они и располагались настолько симметрично, что даже если бы дерево перевернулось, ничего бы не изменилось. У него была кора, жестче, чем кожа йесодианцев, но выглядящая такой же металлической. Оно даже обладало нимбом, очень похожим на те, которые йесодианцы используют, чтобы парить, но все же...

Упс.

Нимб слегка замерцал, затем затрясся. Он стробировал¹⁰, а потом динамики внутри скафандра Джеммы внезапно разразились медленным, глубоким, гудящим голосом.

«Возможно, я могу чем-то помочь вам?» — спросил он.

Голос звучал сонно, недоумевающе и вежливо, тем особым образом, как иногда разговаривают люди перед тем, как у них снесёт крышу. Джемма и ее брат посмотрели друг на друга в ужасе осознания.

— Хорошо, — сказал Самсон. — Это ты виновата.

V. Доктор

Некоторое время спустя Доктор и Хескиу разговорились.

После того, как Доктор извинился за недоразумение, произошедшее с его молодыми друзьями, он нашёл в этом многоконечном удивительно толерантного человека — в гораздо большей степени, чем он ожидал от существа возраста Хескиу. Теперь, когда почтенного мудреца вывели из медитации, он вполне мог уделить время гостям своего мира.

Хескиу не вёл светскую беседу, но Доктора это вполне устраивало. У него назрело множество вопросов, которые он хотел задать старику, начиная со «Скажите, я сильно ошибусь, если предположу, что ваш вид родом не с этой планеты?» На этот вопрос Хескиу сейчас и отвечал своим глубоким голосом:

«Все наши легенды сходятся в одном вопросе», — пульсировал он. Его звучный голос, по мнению Доктора, походил на пение китов. «Наш народ живёт здесь с нашего сотворения. И всё же»...

Доктор поднял бровь:

— Всё же?

¹⁰ посылать избирательные импульсы.

Наступила долгая пауза, которую Доктор ожидал от разговора со старейшим многоконечным.

— Есть несколько сказаний, которые заходят дальше, — признал Хескиу.

Повелитель Времени покомфортней устроился на своем сидении. Ему удалось одолжить транспорт с лучшим поведением — двустворчатого моллюска с управляемыми плавательными пузырями, чья открытая нижняя раковина отлично подходила для его ягодич. Лес многоконечных окружал их во всех направлениях, в том числе вверху и внизу, но большинство были глухими и немыми, погруженными в собственные размышления.

«Некоторые йесодианцы верят», — продолжал Хескиу, — «что наши создатели прибыли сюда со скалистого спутника Мальхут, и что они были... не просто нашими создателями. Некоторые утверждают, что когда они впервые ступили на нашу планету, они избавились от смертной плоти, превратив себя в первых йесодианцев. Они были нашими предками и, одновременно, нашими создателями... Вот так движется история».

— Я так и думал! — Доктор попытался щелкнуть пальцами в перчатках. — Не один вид, живущий в фотосфере коричневого карлика просто не может выглядеть так похоже на человека, как выглядите вы, особенно в четырёхконечном состоянии. Мальхутианцы, должно быть, перестроили свою ДНК так, чтобы их потомки смогли жить здесь. Вы не так уж и похожи на инопланетянина... ну, давайте скажем, что вы не очень-то отличаетесь от Джеммы и Самсона. Что ж, а вы хорошо адаптировались — метаморфический жизненный цикл, нимб, металлическая биохимия — но вы сильнее похожи на людей, чем местные обитатели.

— Здесь же были местные обитатели, не так ли? — добавил он.

У великана не было лица, чтобы Доктор мог прочесть его эмоции: Хескиу давно утратил все гуманоидные черты. Наблюдать

окончательную трансформацию должно быть довольно удивительно, думал Доктор. Хотя, конечно, для существ, как Хескиу, в ней не было ничего «окончательного». Йесодианец в этой древообразной форме жил гораздо дольше, чем в своей ранней форме. Отсюда и огромный размер, до которого Хескиу дорос. Его превращение в многоконечного произошло так много Долгих Лет назад, что уже должно казаться ему рождением.

Наконец нимб великана снова стал стробировать:

«Существует несколько... менее вдохновляющих легенд. Они показывают создателей в не самом лучшем свете. Они никогда не были популярны и поэтому их редко рассказывают. Может быть я единственный живой йесодианец, который слышал их. Когда я присоединюсь к Древу, они совсем исчезнут».

— Расскажите мне, — настаивал Доктор.

«Рассказывать практически нечего. Общеизвестно, что наши создатели не были Созидательницей. Это не они создали вселенную, Кетер, Тиферет или Йесод... Существа, которые жили здесь, когда создатели пришли, не были плодом их творения, поэтому не им было судить. Но они свершили суд и возжелали большего».

Доктор печально кивнул:

— Они уничтожили их, не так ли? Не только разумных существ, но и всю естественную биосферу. Они искореняли их, словно сорняки, чтобы освободить место для своего славного творения.

Хескиу снова запульсировал:

«Сделав это, наши предки прогневали Первую Созидательницу, которая поселила здесь своих созданий. Она прокляла их, разрушив их новый мир прежде, чем они посеяли первые семена... и поэтому на Йесод становится всё холоднее и темнее с каждым новым Долгим Годом. Мы несём на себе бремя грехов наших предков».

Доктор мягко улыбнулся:

— Вы и в самом деле как люди. Древо Жизни, Древо Познания, Древо Добра и Зла... не говоря о Празднике Среднезимья. Вы можете быть на миллионы лет старше их, но ваши мифы так похожи.

— Что ж, — спросил он спокойно, — как долго вам осталось? До того, как на Йесод станет настолько холодно, что даже Древо Среднезимья не сможет вас согреть?

Нимб Хескиу так долго оставался погашенным, что Повелитель Времени задался вопросом — не провалился ли многоконечный обратно в свой созерцательный транс. Затем нимб загорелся еще раз. «У нас еще есть время. Это правда, что каждый Долгий Год Древо должно накапливать тепло всё дольше и проводить больше тепла Тиферет в мир до наступления весны... Естественно, только многоконечные помнят это из Долгого Года в Долгий Год».

— Некоторые догадались, — сказал Доктор. — Например, Бутаво. Она знает, что Йесод теряет тепло. Она знает, что это будет означать для ваших потомков.

«Придёт день, — согласился Хескиу, — возможно в период жизни твоей юной подруги Кебалау, когда не будет другого выхода, кроме как накапливать тепло на Древе весь Долгий Год. Каждому мужчине придется присоединиться как только он станет многоконечным, а каждой женщине — после того, как она расцветет. Наши дети будут вынуждены идти своим путем без нашего наставления. И после этого... да, настанет время, когда даже этого будет недостаточно, и тогда наш мир медленно погибнет в холоде. Вот проклятие, бремя которого мы несем».

— Проклятие? — спросил Доктор, нахмурившись. — Нет, я так не думаю. В действительности это просто астрофизика. Йесод — это коричневый карлик, субзвездный объект. Он может быть больше самой крупной планеты, но он никогда бы не смог поддерживать себя как звезду. Процесс охлаждения неизбежен, но что я не понимаю, так это почему ваши люди ничего не сделали.

Вид, который может превратить себя в гигантский солнечный проводник, должен быть в состоянии адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам.

«Есть трудности»... — нимб Хескиу снова угас. «Воспоминания первых строителей Мирового Древа погребены глубоко в его сознании. В то время наши праматери еще понимали технические приемы творцов. Они были первым поколением йесодианцев, ставшим многоконечными, и первыми объединились в Древо как единый разум. Они изменили собственную природу, чтобы сделать это возможным. Они переделали себя».

— Итак! — сказал Доктор. — Это то, что вам нужно сделать. Предположительно в этом месте есть кое-какие органические технологии, которые вы сможете использовать — похоже на то, что мальхутианцы обеспечили вас целой экосистемой, полной всякого материала. Вся ваша биосфера — огромный набор инструментов. Вам нужно только узнать, что...

Хескиу сердито застробировал. «Я же сказал, что есть трудности. Мы не безопытные глупцы... Наши ученые исследовали этот вариант и признали его безнадежным».

— Правда? — Доктор с трудом понимал. — Но вам же наверняка нужно просто изменить один аспект первоначальной биоинженерии и снова дать себе низкотемпературный биохимический аспект. Конечно, решать вам, но если бы вы захотели, вы смогли бы пройти весь путь — снова стать людьми, вернуться на Мальхут и дело в шляпе. Там мило в это время года.

«Наши изменения», — замигал великан, — «необратимы».

Доктор почувствовал холодок внутри своего душевного скафандра.

«Никто из нас не знает причины, — продолжал Хескиу, — но похоже, что наши создатели не предполагали обратимость. Я не изучал науки о структуре жизни, но мне говорили, что попытка восстановить любой аспект нашей первоначальной природы приведет к нашему вымиранию быстрее, чем влияние холода... Я

предполагаю, что это соответствует некоему чувству безысходности трагической поэзии у наших предков, знавших, что в конце концов их потомство будет страдать и умереть».

Настала очередь Доктора затихнуть. Далеко за лесом, на фоне заходящей Тиферет висело Мировое Древо.

Затем он тихо рассмеялся.

— О, я понимаю, — сказал он. — Да, конечно. Так устроена жизнь. Смерть — часть жизни.

Нимб Хескиу запульсировал с раздраженным ворчанием, как расценили это встроенные в скафандр Доктора динамики.

«Не слишком глубокое наблюдение, Доктор».

Доктор барабанил пальцами по своему защитному стеклу.

— Мы все умираем, — развивал он мысль, — даже если некоторые из нас сначала проходят через все стадии изменений. Эволюция имеет форму... что ж, буду немного непредсказуемым, но она имеет форму дерева. Некоторые ветви, как человечество, стали толстыми крепкими ветвями и уже отращивают свои собственные. Другие — лишь веточки, сломавшиеся в самом расцвете.

«Ты предлагаешь, — стробировал Хескиу, — чтобы мы просто по-философски приняли нашу судьбу? Такова позиция некоторых. Признаться, я не ожидал, что и ты туда же».

— Нет, нет, — быстро сказал Доктор. — Это совсем не то, о чём я говорил. Новые побеги могут вырасти из мертвого дерева, фактически, большинство деревьев состоит из мертвых клеток. Только внешние части живые.

— Я думаю, что мальхутианцы все это знали. Они знали, что умрут, и что вы будете их наследием. Они хотели, чтобы вы разветвились и разделились, в свою очередь. Они не имели в виду, что вы останетесь на Йесод навсегда, и уж точно не рассчитывали на ваше возвращение на Мальхут. Они создали вас так, чтобы вы росли и размножались, а не вырождались обратно в них самих.

— Этот мир — всего лишь перевалочный пункт, этап вашего путешествия. Вы должны адаптировать себя для Тиферет. Ваш народ — завещание мальхутианцев вселенной, а тиферетианцы, если это не слишком труднопроизносимое слово, будут вашим. Кто знает, может ваши потомки с Тиферет смогут колонизировать Кетер, а потом... в общем, нет предела совершенству. Есть еще много звезд.

— Должен отметить, — продолжал он, — что я впечатлен масштабом их амбиций. Я не в восторге от их геноцида коренного населения Йесод, но все же... изменить мир так сильно, чтобы их потомки могли стремиться к такому же — дух захватывает! И это ваше достояние, Хескиу.

Казалось, в этот раз молчание Хескиу длилось часы. В конце концов он засиял: «Я возьму это с собой на Древо. Мы обсудим это».

— Замечательно, — сказал Доктор.

«Если ты прав»... — начал Хескиу.

— Чепуха, — сказал Доктор. — Пустяки. Называйте это платой за ваше щедрое гостеприимство. Или рождественским подарком. В конце концов, Рождество не длится вечно. Только подумайте, сколько дорог открывается перед вами! Ну, не перед вами, конечно, но...

«Для мудреца, — заметил Хескиу, — ты говоришь много ерунды».

— Я? Мудрец? — Доктор просиял. — Да, полагаю, я таков. В конечном счете, я пришел сюда, следуя за звездой.

VI. Кебалау

Сейчас Кебалау по-прежнему парит рядом с домом-ракушкой, крепко сжав в руках свой подарок — холодный блестящий шар, который дал ей Доктор. Она наблюдает за тем, как контуры и цвета ТАРДИС постепенно меркнут и исчезают. Нимб этого существа

исчезает последним в вихревом затихающем сигнале, который спустя недолгое время тоже пропадает.

Кебби понимает, почему ее друзья должны уйти — Доктор сказал, что они пришли из очень холодного места, и даже Среднезимье для них слишком жаркое. Когда Древо начнет приветствовать солнечное тепло, спускающееся в этот мир, его сияние станет для них невыносимым.

Кебалау хотела бы пойти с ними, но мысль о столь холодных местах пугала её. Она довольна тем, что осталась не смотря на Среднезимье.

Кроме того, семья будет скучать по ней, если она уйдет. Она пожимает плечами и перелетает на панцирь дома, где ждут Этуру и Эрэйп с Лубби и Мебби. Многоконечные достраивают Древо, так что все наблюдают за этим. Все вокруг: выше и ниже, другие семьи со всего мира — тоже смотрят.

Отсюда многоконечные выглядят как крошечные пятна света, как пылинки или блуждающие огоньки, танцующие вокруг Мирового Древа. Где-то среди них, знает Кебби, находится Ватер, и Кебби думает, что на следующем Среднезимье она тоже будет там, со всеми теми, кого знает. Она задается вопросом, каково это, стать частью самого большого живого существа в мире.

Время шло. Постепенно многоконечные собрались вместе на Древе, которое тянулось до самого верха. Вскоре мир станет теплым и каждый будет праздновать, с нетерпением ожидая прихода Долгого Лета.

Все нетерпение Кебалау пропало, когда Древо приняло свою окончательную форму. Его ветви стали выше, протянувшись к гигантскому солнцу, к Тиферет; и когда Древо начало наконец светиться огнем Среднезимья, казалось, что его крона затрагивает звезду.